

Т.Б. Фрик

«ВНУТРЕННОСТЬ ВАЖНЕЕ НАРУЖНОСТИ»: ОБРАЗЫ СОВРЕМЕННОКОВ В ПИСЬМАХ Н.М. КАРАМЗИНА

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках
научного проекта № 19-012-00292А «Н.М. Карамзин и его окружение».*

Исследуется актуальная проблема воссоздания картины литературных, общественных и бытовых связей Н.М. Карамзина. Рассматриваются портретные характеристики, качества и оценки современников из окружения историографа, зафиксированные в его эпистолярном наследии. Выделены основные принципы создания образов современников, специфичные для эпистолярного поведения автора писем, и закономерности в характеристике и оценке отдельных личностей, определена их взаимосвязь с мировоззрением Н.М. Карамзина.

Ключевые слова: Н.М. Карамзин; эпистолярный; круг общения; образ современника; герой времени.

Обширный круг общения Н.М. Карамзина не раз привлекал внимание исследователей как в контексте изучения его творческой деятельности, так и в связи с биографическими и фактологическими разысканиями [1–6 и др.]. При этом системное воссоздание реальной картины литературных, бытовых и общественных связей писателя и историографа не теряет своей актуальности, поскольку определяет глубину осмысления и научного описания его наследия.

Письма – один из важнейших источников, позволяющих восстановить круг общения писателя, получить информацию о характере личных взаимоотношений с тем или иным представителем его окружения, а также, что немаловажно, это тот источник, который раскрывает различные грани внутреннего мира Н.М. Карамзина – писателя, историографа, друга, семьянина. Значимой частью данного мира являются характеристики, портреты, оценки современников (знакомых, друзей, государственных деятелей), включенные в обсуждение той или иной темы, в описание конкретной ситуации либо относящиеся непосредственно к карамзинским адресатам.

В соответствии с сентиментальной традицией основными элементами портретов-характеристик современников в письмах Н.М. Карамзина становятся внешние проявления внутренних качеств человека, черты характера, поступки. При этом нельзя сказать, что собственно портретные характеристики не отражены в них вовсе. Интересно, что особенно часто портретные детали встречаются при описании членов царской фамилии, большое количество примеров этого находим в письмах 1816 г. к Е.А. Карамзиной: «был у Императрицы Марии: не удивился ее милостивому приему, но до крайности удивился ее молодости и свежести: это прекрасная женщина в 40 лет; говорит любезно, складно и с редкою легкостью» [7. С. 142]; «Я любовался вчера всюю Императорскою Фамилиею <...> Il a une bell phisionomi¹ (Об Александре I. – Т.Ф.)» [7. С. 147]; «был у Великой Княгини Марии: она очень миловидна, ласкова, любезна» [7. С. 158]. Особое впечатление на Н.М. Карамзина производит императрица Елизавета Алексеевна: «Она еще хороша лицом, миловидна, стройна, имеет серебряный голос и взор прелестный <...> на нее приятно смотреть. В ее глазах есть нечто красноречивое <...>

Надобно было видеть эту интересную женщину одну в прекрасном белом платье, среди большой, слабо освещенной комнаты: elle avait quelque chose de magique et d'aérien²» [7. С. 178].

Наиболее точно охарактеризовать доминанту в презентации образов членов царской семьи, нашедшую отражение в письмах Карамзина, позволяют его же слова из письма к князю П.А. Вяземскому от 27 июня 1816 г.: «Двор мил как Ангел, но мы философы: так ли?» [9. С. 13]. Ангельские мотивы неизменно сопутствуют характеристикам царствующих особ, с которыми наиболее часто Карамзина сводила жизнь. «Чтобы Вы лишний раз улыбнулись как Ангел на земле» [7. С. 44], – напишет он в письме к Елизавете Алексеевне, о ней же в письме к И.И. Дмитриеву скажет: «она кажется мне каким-то лучезарным Ангелом в состоянии неизъяснимом» [5. С. 639]. В письме от 18 апреля 1826 г. к этому же адресату читаем об императрице Марии Федоровне: «Она Ангел в дружбе» [5. С. 659]. В письмах к П.А. Вяземскому и А.Ф. Малиновскому от 1825 г. Карамзин, вспоминая Александра I, повторит одну и ту же фразу практически слово в слово: «В душе его было что-то ангельское» [9. С. 168]; «в сердце его что-то ангельское» [10. С. 81].

Безусловно, приведенные примеры и другие высказывания подобного рода необходимо рассматривать, учитывая историко-философские представления Н.М. Карамзина и исторический контекст эпохи, в котором, начиная с 1812 г., имя Александра I прочно связывалось с образом ангела и противопоставлялось демоническому имени Наполеона (см.: [11]). Примеры подобного отношения к последнему находим и в письмах Карамзина, для эпистолярного поведения которого в целом не характерны явно отрицательные характеристики современников. Дьявольский образ Наполеона проявляется, например, в письме к брату, В.М. Карамзину: «Наполеон совсем вышел из Москвы <...> и направил адские стопы свои к Смоленску» [8. С. 189]. Закрепленность в общественном сознании ангельского образа Александра находит отражение в воспоминаниях слуги Карамзиных Владимира Лотина о том, как было сообщено историографу известие о смерти императора: «Жуковский говорит, не стало нашего Ангела благодетеля; он уже в загробном мире» [12. С. 68].

Возвращаясь же к историко-философским представлениям Н.М. Карамзина, которые, совершенно очевидно, повлияли на восприятие и отражение внешнего облика, духовных качеств, оценку поступков членов монаршего дома, а особенно императора, важно отметить определение, данное Карамзиным в одном из писем к П.А. Вяземскому: «Самодержавие есть душа, жизнь ее (России. – Т.Ф.)» [9. С. 68]. Монархизм, консерватизм российского историографа, его «хранительство» (см.: [13]), основанное на синтезе гуманистических идей, православия и политических принципах самодержавия, определяют ангельский образ царя (отношения с которым, как известно, не были безоблачными, особенно в самом начале их развития) и других членов царствующего семейства.

В записке к книгоиздателю С.И. Селивановскому, говоря о публикации собрания переводов, Н.М. Карамзин напишет: «Внутренность важнее наружности» [14. С. 587]. Думается, данная фраза как отражение жизненных установок Карамзина в полной мере может быть отнесена и к его концепции человека, она объясняет особенности его восприятия людей, оценки их качеств и поступков. Примером реального воплощения данной философской максимы в практике эпистолярного общения является письмо к графу И.А. Каподистрия, написанное Н.М. Карамзиным уже в конце жизни: «<...> все подробности о вашем здоровье, вашем наружном виде (материальном выражении нематериального) были для нас удовлетворительны. Но, к сожалению, многие вопросы о состоянии прекрасной души вашей, о занятиях деятельного вашего ума, о вашем столь всегда верном образе мыслей насчет происшествий нашего времени остались без ответа» [15. С. 10]. Состояние души, ум, образ мыслей – то, на что обращает внимание автор писем, давая характеристики своим друзьям и знакомым, то, что становится основным объектом его оценки.

При этом в центре внимания, как уже отмечалось выше, положительные душевные качества упоминаемых в письмах знакомых. Царствующие особы не являются исключением. Так, добродушие выделяется Н.М. Карамзиным при характеристике великой княгини Марии Павловны: «Она не такого блестящего ума, как наша Екатерина; однако ж любезна и в особенности нравится своим добродушием» [7. С. 177]. Ум великой княгини Екатерины Павловны не раз отмечается автором писем, который, как и многие современники, высоко оценивал это достоинство сестры императора, однако не менее важны для него душевные качества «тверской полубогини» (о Екатерине Павловне см.: [16]): «Кроме отменной живости ума, нахожу в ней редкую любезность и доброту» [5. С. 242].

Как известно, особые отношения связывали Н.М. Карамзина с супругой императора. Начиная с 1816 г. упоминания о ней присутствуют в карамзинских письмах к И.И. Дмитриеву и Е.А. Карамзиной, с 1820 г. Карамзин и Елизавета Алексеевна ведут регулярную переписку. Историограф питает особенно теплые чувства к Елизавете Алексеевне, они сходятся в присущем им обоим меланхолическом восприятии мира, переживании потерь близких, настроении Елизаветы так же, как и настроение Карамзина, определя-

ется сложностью ее положения при дворе (см. [17]). Карамзин восхищается императрицей как в самом начале их общения: «снова удивлялся тонкости ума ее: всегда скромна и всегда любезна» [9. С. 33], так и в конце жизни: «она так прямодушна!» [15. С. 12]. При этом нельзя не сказать о том, что исследователи, основываясь также на письмах Елизаветы Алексеевны, указывают на неравнозначность уровня симпатии императрицы к Карамзину и Карамзина к императрице, они отмечают в большей степени «интеллектуальное тяготение» [18] Елизаветы к историографу.

Отражением карамзинской философии власти являются и характеристики, данные императору, на которого историограф «иногда досадовал <...> и все любил человека, красу человечества своим великодушием, милосердием, незлобием редким» [7. С. 12]. Эта несогласованность в оценке Александра-монарха и Александра-человека проявится достаточно рано. Еще в марте в 1811 г. в письме к И.И. Дмитриеву Карамзин напишет: «Я не имел счастья быть согласен с некоторыми Его мыслями, но искренно удивлялся Его разуму и скромному красноречию. Сердце мое всегда <...> угадывало и чувствовало доброту сего редкого Монарха <...> Скажи Ему <...> что я и по правилам и по сердцу предан на веки Монарху столь редкому изящными качествами души» [5. С. 241]. Даже в эмоционально сложный для себя петербургский период 1816 г. Карамзин отмечает человеческие качества императора: «Он снисходителен, добродушен, как ты сам знаешь» [5. С. 324]. Эти примеры, а также примеры проективных характеристик, даваемых в письмах к царствующим особам, отражают специфику монархизма российского историографа, который не любил двора, но любил «царей и цариц, когда они украшают человечество своими внутренними достоинствами и любят сельские домики» [7. С. 186].

Характеристики императора в письмах Н.М. Карамзина являются репрезентацией представлений историографа об идеальном монархе и его исторической миссии. Неслучайно наиболее яркие описания личностных качеств Александра I, а также Николая II даются в связи с драматическими событиями. Особенно Карамзиным выделяются стойкость, мужество и хладнокровие. Таков император в рассказе о пожаре в царскосельском домике: «<...> бегу ко дворцу и нахожу государя уже дающего приказания, даже забрызганного водою почти в самом огне <...> Император был на ногах часов тринадцать или более. Не нужно говорить о его хладнокровии: Он видал и не такие опасности <...> Как любезнейший Хозяин, Император вчера же приходил к нам спросить о здоровье жены и детей» [5. С. 463]. Эти же качества крайне важны для Карамзина в образе Николая I в связи с декабристским восстанием: «Новый Император оказал неустрашимость и твердость <...> Я только зритель, но устал душою: каково же Государю? Он умен, тверд, исполнен добрых намерений: призываем на Него благословение Божие» [5. С. 640–641]; «Видел Императора на коне, среди войска; он был совершенно спокоен и хладнокровен <...> Еще скажу вам искренно, что новый Царь очень умен и тверд» [8. С. 437].

Е. Эткинд, размышляя о стратегии А.С. Пушкина – издателя журнала «Современник», в качестве синтезирующего основания этого журнала выделяет его положительную программу [19. С. 198]. Думается, письма Н.М. Карамзина, как и всю его творческую деятельность в целом, можно рассматривать также с позиции определенной положительной программы, которая нашла свое выражение помимо всего прочего в концепции героя времени, неразрывно связанной с его историософскими представлениями. Реализацию данной концепции можно усмотреть, как уже было показано выше, во фрагментах писем, отражающих личностные качества монарших особ.

Не менее показательны в этом отношении характеристики, которые Карамзин в своих письмах дает государственным мужам, общественным деятелям, людям, занимающим важные государственные посты. Важны указанные характеристики и как демонстрация восприятия личностных взаимоотношений, и как факты субъективных оценок, и как отражение мировидения историографа. Ключевые для государственного деятеля качества Карамзин сформулировал в письме к И.И. Дмитриеву от 3 июня 1825 г., давая оценку канцлеру А.А. Безбородке: «Граф Воронцов давал мне читать письма Безбородки к Гр. Александру Романовичу о временах Екатерины и Павла; он был хорошей министр; если и не великой; такого теперь не имеем. Вижу в нем ум Государственный, ревность, знание России – то, чего теперь не вижу. Жаль, что не было в Безбородке ни высокого духа, ни чистой нравственности. Заклучим обыкновенною поговоркою: *нет совершенного!*» [5. С. 627]. Так, в несколько пессимистичном ключе историограф на исходе жизни обрисовывает свой концепт личности государственной: государственный ум, стремление ревностно служить своему делу, высокий дух и чистая нравственность. Эти качества и являлись для него оценочной матрицей, через которую он смотрел и на высокопоставленных современников, и на окружение, постоянно подчеркивая свое желание видеть на государственной службе «всех умных и честных людей» [5. С. 291].

Знаком высшей оценки того или иного человека в характеристиках, зафиксированных в письмах Н.М. Карамзина, становится указание на его исключительность, редкость. Так характеризует Карамзин Н.И. Огарева (в будущем действительного тайного советника и сенатора) в письмах 1812 г., настойчиво рекомендуя его министру юстиции И.И. Дмитриеву: «Усердно и дружески рекомендую его в твое благорасположение. Он дик, неискателен, чувствителен, честен, умен, способен к делам и весьма хорошо пишет. Прошу тебя узнать его короче: таких людей у нас не много <...> Пожалуй не оставь моих слов без внимания. Огарев действительно может быть очень полезен» [5. С. 257–258]. В следующем письме Карамзин возвращается к этой теме: «В рассуждении Огарева я желал бы, чтобы ты употребил его при себе к обоюдному удовольствию начальника и подчиненного: он умен, способен к делам и честен, как древний Римлянин, но дик» [5. С. 258]. В октябре 1812 г., сопровождая Н.И. Огарева своим письмом к Дмитриеву, он

вновь дает ему характеристику: «<...> не много в свете таких честных, благородных и даже умных людей в смысле основательности, а не блеска мишурного» [5. С. 262]. Через два года друзья вновь обсуждают Огарева: «Я очень рад, что ты доволен Огаревым, в судьбе которого беру искреннее участие; она совсем не розовая; а он достойный человек» [5. С. 284].

Отдельно хотелось бы отметить, насколько важно для Н.М. Карамзина подчеркнуть «дикость» Н.И. Огарева. Это тем более интересно, если вспомнить, как он защищал дикость и чувствительность А.А. Петрова [5. С. 64].

Очевидно, что для автора писем это качество личности в высшей степени положительное, оно является синонимом искренности, естественности и свободы. Не случайно, в сложный для Карамзина петербургский период именно дикость станет воплощением его личной поведенческой философии, способом определить свою независимость от светских условностей: «Видишь, что муж твой гурон³: не поехал к графу Аракчеву, не воспользовался даже благорасположением Пуколова! Чего ж мне ждать? Уважения твоего и собственного. Я никого не хочу оскорбить грубостию; но мое ли дело идти криво?» [7. С. 170].

Думается, этими же представлениями определено то, что в письмах петербургского периода характерным способом дать положительную оценку тому или иному знакомому становится указание на редкость выделенных качеств среди представителей высшего света Петербурга. Так, 26 февраля 1817 г. в письме к Дмитриеву он напишет о графе П.А. Толстом: «Он любезной человек, благородной души. Таких не много в Петербурге» [5. С. 342]. В этом же ключе охарактеризован и князь А.Н. Салтыков, с которым Н.М. Карамзин знакомится в 1816 г. в Петербурге, о чем рассказывает в письме к жене, называя его умным и приятным человеком [7. С. 144]. В письме к И.И. Дмитриеву от 12 марта 1817 г. историограф сообщит об отставке Салтыкова, в очередной раз повторив формулу: «Не много таких людей в Петербурге. Он не хотел служить» [5. С. 343]. В ряд редких людей включен Н.М. Карамзиным и А.А. Аракчеев, характеристика которого очень важна для понимания роли этого государственного деятеля в российской истории: «Важный государственный человек <...> отказался от всех дел, как слышно: заменить его другим нелегко. Дельных людей на большой сцене у нас немного» [5. С. 635].

Как уже было отмечено выше, отрицательные характеристики знакомых Карамзину людей даже в его письмах к близкому другу (И.И. Дмитриеву) и супруге встречаются достаточно редко, но их рассмотрение также позволяет по-особенному раскрыть личность автора эпистолярных текстов и высветить грани его взаимоотношений с окружающими. Знаковым видится тот факт, что негативное суждение, как правило, сопрягается с указанием на достоинства человека: «Мне приятно знать, что ты любишь Каверина, я сам чистосердечно люблю его; он ветренен, но умен и добр» (И.И. Дмитриеву от 23 декабря 1800 г.) [5. С. 153]; «<...> был добрый человек, хотя и худой стихотворец» (об А.В. Храповицком И.И. Дмитриеву 12 февраля 1802 г.) [5. С. 158];

«Шишков честен и учтив, но туп» (Е.А. Карамзиной 14 февраля 1816 г.) [7. С. 148].

Заслуживает отдельного внимания отражение в письмах Н.М. Карамзина личности графа Д.И. Хвостова. В них нашла свое место как реальная, так и мифологическая ипостась последнего. С 1810 г. в письмах Н.М. Карамзина и других документах зафиксированы встречи с Хвостовым, факты получения его стихотворений. Хвостов присутствует на чтении в Академии наук фрагментов из «Истории государства Российского» и на вручении историографу медали, о чем сообщает Х.О. Кайсарову [20]. Он же, как пишет Карамзин, рассказывает историографу о новом назначении И.И. Дмитриева [5. С. 566]; Хвостов среди тех немногих, кто, по словам Н.М. Карамзина, время от времени может заглянуть к Карамзиным в Петербурге [5. С. 536]. При этом, несмотря на иронию, которая, надо сказать, по силе негатива несопоставима с иронией в отзывах и замечаниях современников, в том числе карамзинских друзей, Карамзин-автор писем дает прозорливо точную оценку Хвостову как факту словесной культуры его времени. Интересно, что именно оценки Карамзина созвучны размышлениям современных исследователей о месте и роли Д.И. Хвостова, литератора и человека, в литературном процессе первой трети XIX в. (см.: [21]).

Общепризнанная репутация Хвостова, конечно, фиксируется и Карамзиным. Так, например, имя, как принято было считать, плодовитого, но бездарного графомана появляется в письме А.И. Тургеневу под строками: «Еще мы рук не опускали, // Когда тебя, прощаясь, обнимали! // Граф Хвостов» [22. С. 480]. Далее Карамзин в шуточной (арзамасской) стилистике продолжает: «Скорее приезжайте – или руки наши устанут» [22. С. 480], при этом очевидно, что приписанные Хвостову строки с намеком на низкий уровень поэтического мастерства являются отсылкой к карамзинскому стихотворению «К неверной»⁴. В письмах Карамзина присутствуют также ироничные замечания, касающиеся личности и творчества графа, так, в письме к П.А. Вяземскому, говоря о стихах Хвостова, он пишет: «И у нас проявились смельчаки: граф Хвостов! *Дерзнув* сказать (в стихах на убийство Бери), что не должно резать людей, он ждет великодушно смерти от руки какого-нибудь Занда! Не выдумываю, а слышал от него самого» [9. С. 101]. Иронизируя над страстью Хвостова к писанию, Карамзин напишет в письме к другому своему другу: «Это, может быть, мои последние стихи в этой жизни; а в вечности, думаю, стихов писать не будем. Бедной Вольтер! и еще беднейший Гр. Хвостов!» [5. С. 536]. Но все же именно Карамзину принадлежит неоднозначная и глубокая оценка личности Д.И. Хвостова, которую он делает в проекции на себя и свои жиз-

ненные принципы. В письме к И.И. Дмитриеву от 20 сентября 1824 г. историограф пишет: «Я смотрю с умилением на Графа Хвостова и на Княгиню Прозоровскую: на первого за его постоянную любовь к Стихотворству, на другую за такую же любовь ко двору, ни мало не охлаждаемую преклонными летами. Это редко, и потому драгоценно в моих глазах. Смейся, если угодно: я уважаю Хвостова, и более многих юных стихотворцев, которых имена вижу в Журналах, и которых также не читаю; он действует чем-то разительным на мою душу, чем-то теплым и живым. Увижу услышу, что Граф еще пишет стихи, и говорю себе с приятным чувством: вот любовь, достойная таланта! Он заслуживает иметь его, если и не имеет <...> Столько строк в письме к другу посвятив размышлению о Графе Хвостове не есть ли доказательство моего особенного к нему уважения – к поэту, а не к человеку: ибо он сам ставит в себе поэта гораздо выше человека?» [5. С. 604].

Очевидно, что в этой развернутой характеристике, пусть и написанной не без иронии, заключены важные для Карамзина – историографа и человека – мировоззренческие максимы, что ценностное значение ревностного служения делу не уменьшается для него, и в этом смысле граф Хвостов, пусть в трагедийном варианте, может выступать примером и является одним из редких, по Карамзину, людей. Знаково в этом отношении отождествление Карамзиным самого себя с графом Хвостовым в письме, написанном И.И. Дмитриеву годом позже, где он вновь декларирует свою независимость (пусть и на фоне разочарований, постигших его в конце жизни) в историографическом служении: «Знаю, что и как пишу; в своем тихом восторге не думаю ни о современниках, ни о потомках: я независим, и наслаждаюсь только своим трудом, любовью к отечеству и человечеству. Пусть никто не будет читать моей Истории: она есть, и довольно для меня. Одним словом, я совершенный Граф Хвостов по жару к Музам или Музе!» [5. С. 636].

На примере рассмотренных характеристик из писем Н.М. Карамзина к разным лицам можно увидеть, как суждения о людях, независимо от общепризнанных мнений, становятся отражением карамзинского мировосприятия, являются практическим проявлением его жизненной философии, своеобразным поведенческим текстом. Кроме того, они позволяют представить окружение Карамзина сквозь призму мировидения автора писем, что крайне важно для полноценного освещения всего комплекса литературных, дружеских, служебных, монархических связей поэта, писателя, издателя, историографа и человека, еще до сих пор не предпринятого, но являющегося, без сомнения, актуальной исследовательской задачей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «У него красивое лицо» [8. С. 135].

² «в ней было что-то магическое и воздушное» [8. С. 146].

³ Гурон – дикарь (от названия племени американских индейцев) [8. С. 141].

⁴ Речь идет о следующих строках: «Еще ты рук не опускала, // Которыми меня, лаская, обнимала» [23. С. 207–208].

ЛИТЕРАТУРА

1. Вацуро В.Э., Карамзин Н.М. Письма к В.М. Карамзину (1795–1798) // Русская литература. 1993. № 2. С. 80–132.
2. Петров С.Б. Симбирские дворяне Философовы – родственники Карамзиных, Столыпиных, М.Ю. Лермонтова // Карамзинский сборник. Карамзин и карамзинизм в современном сознании : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. (Ульяновск, 30 ноября – 1 декабря 2015 г.). Ульяновск, 2016. С. 48–51.
3. Рыкова Е.К. Тургеневы и Карамзин // Карамзинский сборник. Ульяновск, 1997. Ч. 1. С. 20–26.
4. Букина Г.Ю. Н.М. Карамзин в жизни и творчестве П.А. Вяземского // Духовно-нравственный и эстетический потенциал русской литературной классики. Международная научная конференция. М. : ИИУ МГОУ, 2013. С. 73–79.
5. Сукайло В.А. Труды и дни Ивана Дмитриева. 1760–1837: хроника. Ульяновск : Печатный двор, 2008. 944 с.
6. Морозова Н.П. «Я вас сердечно почитаю...» (история дружеских отношений Г.Р. Державина и Н.М. Карамзина) // Пушкинский музей. Алмазах. Вып. 8. СПб., 2017. С. 36–45.
7. Незданные сочинения и переписка Николая Михайловича Карамзина. СПб., 1862. Ч. 1. 240 с.
8. Карамзин Н.М. Полное собрание сочинений : в 18 т. Т. 18: Письма. М. : ТЕРРА-Книжный клуб, 2009. 624 с.
9. Письма Н.М. Карамзина к князю П.А. Вяземскому 1810–1826 (Из Остафьевского архива). СПб., 1897. 204 с.
10. Письма Карамзина к Алексею Федоровичу Малиновскому и письма Грибоедова к Степану Никитичу Бегичеву. М., 1860. 136 с.
11. Мельникова Л. Ангел и демон: Александр и Наполеон в восприятии современников // Родина. 2012. № 6. С. 74–76.
12. Сапченко Л.А. Последнее десятилетие российского историографа // Михаил Муравьев и его время : коллективная монография по материалам Шестой Всерос. науч.-практ. конф. «Михаил Муравьев и его время. Словесность. Служение. Совершенство (к 260-летию Михаила Муравьева и 300-летию Александра Сумарокова)» (Казань, 29–30 апреля 2017 г.). Казань : Редакционно-издательский центр «Школа», 2017. С. 64–72.
13. Шириянц А.А., Ермашов Д.В. «Хранительство» Н.М. Карамзина // Тетради по консерватизму. 2016. № 4. С. 11–28.
14. Из писем и записок Н.М. Карамзина к Семену Иоанниковичу Селивановскому // Библиографические записки. 1858. № 19. Стб. 581–587.
15. Письмо Карамзина к графу Каподистрия // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1835. Ч. 5. С. 1–13.
16. Минаков А.Ю. «Тверская полубогиня»: Великая княгиня Екатерина Павловна – лидер консервативной национально-аристократической партии // Россия XXI. 2010. № 4. С. 102–123.
17. Забабурова Н.В. «Елисавету втайне пел...» // RELGA. 1999. № 20 (26). URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=1803&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 29.10.2019).
18. Галкина Т.И. Карамзин и императрица Елизавета Алексеевна // Библиотека Всероссийского музея имени А.С. Пушкина. URL: <https://museumpushkin-lib.ru/publikacii-sotrudnikov/galkina-t-i/karamzin/> (дата обращения: 15.10.2019).
19. Эдкинд Е. Незамеченная книга Пушкина: Перелистывая «Современник» – сто пятьдесят лет спустя // Revue des etudes slaves. 1987. Т. 59. Fase 1–2. P. 197–212.
20. Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 445. № 151. Л. 156.
21. Махов А.Е. Это веселое имя: Хвостов // Граф Дмитрий Иванович Хвостов. Сочинения. М. : INTRADA, 1999. URL: http://az.lib.ru/h/hwostow_d_i/text_0060.shtml (дата обращения: 09.09.2019).
22. Письма Н.М. Карамзина А.И. Тургеневу // Русская старина. 1899. Февраль. С. 463–480.
23. Карамзин Н.М. «К неверной» // Полное собрание стихотворений. М. ; Л., 1966. С. 205–208.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 31 января 2020 г.

“The Interior Is More Important Than the Exterior”: Images of Contemporaries in Nikolay Karamzin’s Letters

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 453, 41–46.

DOI: 10.17223/15617793/453/5

Tatyana B. Frik, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tfrik@tpu.ru

Keywords: Karamzin; epistolary works; circle of contacts; image of contemporary; hero of time.

This study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-012-00292A.

The article considers evaluations, portrait characteristics, and qualities of contemporaries from Nikolay Karamzin’s closest circle fixed in his epistolary heritage. The systematic reconstruction of the real picture of the historiographer’s literature, daily and social relations allows a deeper comprehension and a scientific description of his legacy, which makes the study relevant. As a result of the study, the author revealed the basic principles of creating contemporaries’ images specific to Karamzin’s epistolary behavior and patterns in the characterization and evaluation of individuals; she also determined the interrelation of these principles and patterns with the historiographer’s worldview. The main elements of the contemporaries’ description in Karamzin’s letters are external manifestations of the inner world, character traits, actions, less often portrait traits. Portrait details are mainly found in the description of the royal family members. Angelic motives are invariably included in the characteristics of the reigning persons Karamzin most often met with in his life. Karamzin’s historical and philosophical ideas, his monarchism, conservatism based on a synthesis of humanistic ideas, Orthodoxy, and political principles of autocracy had an influence on how he described the appearance, spiritual qualities, gave evaluations of the royal family representatives’ actions. The dominant characteristics of the emperor in Karamzin’s letters represent the historiographer’s ideas about the ideal monarch and his historical mission. Karamzin pays attention to the state of mind, intelligence, way of thinking when giving characteristics to his friends and acquaintances. All these become the main object of his evaluation. At the same time, his focus is on the positive spiritual qualities of the people mentioned in the letters. Karamzin’s letters, like his entire creative activities, can be viewed from the standpoint of a certain positive program, which found its expression, among other things, in the concept of the hero of the time, inextricably linked with his historical worldview. The characteristics from Karamzin’s letters show how judgments about people, regardless of generally accepted opinions, become a reflection of Karamzin’s worldview, a practical manifestation of his philosophy of life, and a kind of a behavioral text. Besides, the letters make it possible to imagine Karamzin’s closest circle through the prism of the author’s worldview, which is extremely important for the full coverage of the entire range of literature, friendly, official, monarchist ties of the poet, writer, publisher, historiographer, and man.

REFERENCES

1. Vatsuro, V.E. & Karamzin, N.M. (1993) Pis'ma k V.M. Karamzину (1795–1798) [Letters to V.M. Karamzin (1795–1798)]. *Russkaya literatura*. 2. pp. 80–132.
2. Petrov, S.B. (2016) [The Filosofov, Simbirsk Nobles, Relatives of the Karamzins, the Stolypins, and of M.Yu. Lermontov]. *Karamzinskiy sbornik. Karamzin i karamzinizm v sovremennom soznanii* [Karamzin Collection. Karamzin and Karamzinism in the Modern Consciousness]. Proceedings of the All-Russian Conference. Ulyanovsk. 30 November – 1 December 2015). Ulyanovsk: Izdatel'stvo “Korporatsiya tekhnologiy prodvizheniya”. pp. 48–51. (In Russian).

3. Rykova, E.K. (1997) Turgenevy i Karamzin [The Turgenevs and Karamzin]. In: Shavrygin, S.M. (ed.) *Karamzinskiy sbornik* [Karamzin Collection]. Pt. 1. Ulyanovsk: Izd-vo SVNTs. pp. 20–26.
4. Bukina, G.Yu. (2013) [N.M. Karamzin in the Life and Works of P.A. Vyazemsky]. *Dukhovno-nravstvennyy i esteticheskiy potentsial russkoy literaturnoy klassiki* [Spiritual, Moral and Aesthetic Potential of Russian Literary Classics]. Proceedings of the International Conference. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya. Moscow: IIU MGOU. pp. 73–79. (In Russian).
5. Sukaylo, V.A. (2008) *Trudy i dni Ivana Dmitrieva. 1760–1837: khronika* [Works and Days of Ivan Dmitriev. 1760–1837: A Chronicle]. Ulyanovsk: Pechatnyy dvor.
6. Morozova, N.P. (2017) “Ya vas serdechno pochitayu...” (istoriya družeshkikh otnosheniy G.R. Derzhavina i N.M. Karamzina) [“I Sincerely Respect You” (The History of the Friendship of G.R. Derzhavin and N.M. Karamzin)]. In: *Pushkinskiy muzeum. Almanakh* [Pushkin Museum. Almanac]. Is. 8. St. Petersburg: National Pushkin Museum. pp. 36–45.
7. Karamzin, N.M. (1826) *Neizdannye sochineniya i perepiska Nikolaya Mikhailovicha Karamzina* [Unpublished Writings and Correspondence of Nikolay Karamzin]. Vol. 1. St. Petersburg: Tip. N. Tiblena i K°.
8. Karamzin, N.M. (2009) *Polnoe sobranie sochineniy: v 18 t.* [Complete Works: In 18 Vols]. Vol. 18. Moscow: TERRA-Knizhnyy klub.
9. Karamzin, N.M. (1897) *Pis'ma N.M. Karamzina k knyazyu P.A. Vyazemskomu 1810–1826 (Iz Ostaf'evskogo arkhiva)* [Letters from N.M. Karamzin to Prince P.A. Vyazemsky. 1810–1826 (From the Ostafyev Archive)]. St. Petersburg: tip. M. Stasyulevicha.
10. Longinov, M.N. (ed.) (1860) *Pis'ma Karamzina k Alekseyu Fedorovichu Malinovskomu i pis'ma Griboedova k Stepanu Nikitichu Begichevu* [Letters From Karamzin to Alexei Malinovsky and Letters From Griboedov to Stepan Begichev]. Moscow: Obshch. lyubiteley rossiyskoy slovesnosti pri Imperatorskom Moskovskom universitete.
11. Mel'nikova, L. (2012) Angel i demon: Aleksandr i Napoleon v vospriyatii sovremennikov [Angel and Demon: Alexander and Napoleon in the Perception of Contemporaries]. *Rodina*. 6. pp. 74–76.
12. Sapchenko, L.A. (2017) [The Last Decade of the Russian Historiographer]. *Mikhail Murav'ev i ego vremya. Slovesnost'. Sluzhenie. Sovershenstvo* [Mikhail Muravyov and His Time. Literature. Service. Perfection]. Proceedings of the 6th All-Russian Conference. Kazan. 29–30 April 2017. Kazan: Redaktsionno-izdatel'skiy tsentr “Shkola”. pp. 64–72. (In Russian).
13. Shirinyants, A.A. & Ermashov, D.V. (2016) The Idea of “Khranitel'stvo” in N. Karamzin. *Tetradi po konservatizmu*. 4. pp. 11–28. (In Russian).
14. *Bibliograficheskie zapiski*. (1858) Iz pisem i zapisok N.M. Karamzina k Semenu Ioannikievichu Selivanovskomu [From Letters and Notes of N.M. Karamzin to Semyon Selivanovsky]. 19. Columns 581–587.
15. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. (1835) Pis'mo Karamzina k grafu Kapodistriya [Letter From Karamzin to Count Kapodistrias]. 5. pp. 1–13.
16. Minakov, A.Yu. (2010) “Semigoddess of Tver”: Grand Duchess Ekaterina as Leader of Conservative National-Aristocratic “Party”. *Rossiya XXI – Russia XXI*. 4. pp. 102–123. (In Russian).
17. Zababurova, N.V. (1999) “Elisavetu vtayne pel...” [“I, inspired by Apollo, Elizabeth Secretly Sang”]. *RELGA*. 20 (26). [Online] Available from: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=1803&level1=main&level2=articles>. (Accessed: 29.10.2019).
18. Galkina, T.I. (n.d.) *Karamzin i imperatritsa Elizaveta Alekseevna* [Karamzin and Empress Elizaveta Alekseevna]. [Online] Available from: <https://museumpushkin-lib.ru/publikaicii-sotrudnikov/galkina-t-i/karamzin/>. (Accessed: 15.10.2019).
19. Edkind, E. (1987) Nezamechennaya kniga Pushkina: Perelistyvaya “Sovremennik” – sto pyat' desyat let spustya [An Unnoticed Book by Pushkin: Leafing Over “Sovremennik” One Hundred and Fifty Years Later]. *Revue des etudes slaves*. 59 (1–2). pp. 197–212.
20. Department of Written Sources of the State Historical Museum. Fund 445. No. 151. Page 156.
21. Makhov, A.E. (1999) Eto veseloe imya: Khvostov [This Funny Name: Khvostov]. In: Khvostov, D.I. *Graf Dmitriy Ivanovich Khvostov. Sochineniya* [Count Dmitry Khvostov. Writings]. Moscow: INTRADA. [Online] Available from: http://az.lib.ru/h/hwostow_d_i/text_0060.shtml. (Accessed: 09.09.2019).
22. *Russkaya starina*. (1899) Pis'ma N.M. Karamzina A.I. Turgenevu [Letters from N.M. Karamzin to A.I. Turgenev]. February. pp. 463–480.
23. Karamzin, N.M. (1966) *Polnoe sobranie stikhotvoreniy* [Complete Collection of Poems]. Moscow; Leningrad: Sovetskiy pisatel'. pp. 205–208.

Received: 31 January 2020